

ОСОБЕННОСТИ НАБЛЮДЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ЗА «ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГОНАДЁЖНЫМИ» ЛИЦАМИ В 1867—1917 гг. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируется система осуществления наблюдения за «политически неблагонадежными» лицами в России в 1867—1917 гг. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью изучения региональных аспектов для комплексного исследования данной проблематики. С этой целью изучены некоторые аспекты деятельности органов политической полиции, осуществляющих функции политического наблюдения (на примере Курской губернии), сделаны выводы об эффективности реализации наблюдательных мероприятий в деле противодействия развитию революционной ситуации в стране.

Ключевые слова: «политически неблагонадежные» лица, жандармерия, полиция, охранное отделение, филеры, Курское губернское жандармское управление, Курская губерния.

Введение. Во второй половине XIX — начале XX в. в России особо интенсивно распространялись оппозиционные общественно-политические движения. В связи с этим были усилены меры противодействия крайним формам выражения антиправительственных настроений. При этом борьба с «левыми» настроениями не всегда носила открытый характер. Особое место в деле противодействия и предупреждения различных протестов населения против действующей власти занимало секретное наблюдение за общественной жизнью, отдельно взятыми личностями. С этой целью в рассматриваемый период была организована особая система слежки за лицами, отличающимися так называемой «политической неблагонадежностью».

Цель исследования. Цель данного исследования — выявить и проанализировать особенности наблюдения органов политической полиции за «политически неблагонадежными» лицами во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Курской губернии).

Основная часть. «Политически неблагонадежными» в исследуемый период в России называли лиц, которые вызвали у власти сомнение в приверженности оппозиционным политическим взглядам. В прямом смысле этого слова данных лиц именовать государственными (политическими) преступниками нельзя, однако, по мнению правительства, они вполне могли ими стать, вследствие чего за ними устанавливалось наблюдение.

Контролем за общественно-политической жизнью на местах занимались, в первую очередь, губернские жандармские управления. Содействие в осуществлении данных полномочий жандармам оказывала общая полиция. В курском реги-

оне такое управление было создано в 1867 г. после проведения реформирования жандармских округов (ранее Курская губерния входила в шестой жандармский округ с центральным управлением в г. Нижний Новгород [1, с. 343]).

В соответствии с положением о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. губернские жандармские управления, наблюдательный состав Отдельного корпуса жандармов, а также уездные жандармские управления несли «наблюдательные» обязанности, содействовали восстановлению нарушенного порядка, принимали непосредственное участие в сохранении общественного спокойствия [2, с. 73—80]. Жандармерия при содействии общей полиции должна была следить за тем, что во вверженном им регионе не происходило ничего «предосудительного», опасного для действующей власти. Методы наблюдения за политической обстановкой отличались разнообразием. По справедливому утверждению бывшего служащего жандармского корпуса П. П. Заварзина, относиться к осуществлению мероприятий по противодействию распространения оппозиционных настроений, осуществляемых жандармерией, можно было различно, но отрицать их необходимость в рассматриваемый период не стоило, поскольку политический розыск существовал «...во всех государствах Старого и Нового Света, без исключения...» [3, с. 10].

Одним из основных методов предупреждения развития революционной ситуации был метод наружного наблюдения, в том числе слежка за подозрительными в политическом отношении лицами. Чтобы собрать необходимую информацию, пресечь распространение антиправительственных политических идей, восстановить общественное спокой-

стве, жандармы регулярно объезжали вверенную им территорию. Начальникам губернских управлений необходимо было объезжать регион один раз в год, помощникам начальников губернских управлений и начальникам уездных жандармских управлений — «сколько возможно чаще и никак не менее одного раза в два месяца», унтер-офицерам — «по усмотрению ближайшего начальства и с утверждения начальника губернского жандармского управления» [2, с. 76].

На каждое «поднадзорное лицо» в местной жандармерии составлялось, так называемое наблюдательное дело. В нём указывались подробные сведения о нём: Ф.И.О., место жительства «поднадзорного», род деятельности, информация о его «образе жизни», по какому распоряжению состоит под надзором. Кроме того, уполномоченные органы государственной власти следили за имущественным, семейным положением лиц, состоящих под надзором, его контактами с окружающими людьми, а также трудовой деятельностью [4, л. 31]. Характеризуя образ жизни «потенциального» политического преступника, в жандармерии обращали внимание на поведение человека, его нравственность, взаимоотношение с обществом. Для идентификации лица власти подробно описывали внешность [5, л. 5], использовали фотографические карточки [6, л. 5] (однако это было редкостью и видимых результатов для осуществления розыскных мероприятий не давало).

В наблюдательном деле, оценивая образ жизни лица, указывалось, какой образ жизни вёл «подопечный»: «скрытный», «трезвый», «скромный» и т.п. Часто указывалось, чем занимался человек, с какими подозрительными (с точки зрения жандармов) лицами контактировал (интересно замечание — «знаком со всеми политическими поднадзорными»). Поведение чаще всего определялось как «неодобрительное», «удовлетворительное» или «хорошее» [7, л. 37–54].

В дальнейшем полученная жандармами информация о «благонадёжности» того или иного лица могла использоваться другими ведомствами, учреждениями. К примеру, в рассматриваемый период перед устройством на работу педагогом кандидата на данную должность в обязательном порядке «проверяли» на приверженность оппозиционным политическим взглядам. С этой целью в местное губернское жандармское управление отправляли соответствующие запросы. Так, на «политическую благонадёжность» в 1892 г. в Курской губернии проверяли Анастасию Павловну Хорошилову и Варвару Алексеевну Булакову, желавших устроиться на работу в начальные народные училища. В связи с этим инспектор народных училищ Курской губернии первого участка запрашивал необходимые сведения у местного управления жандармерией [8, л. 1–5]. В случае если то или иное лицо было заподозрено в «политической неблагонадёжности», ему в назначении на должность педагога отказывали [9, л. 278–279]. При необходимости информация о «политической благонадёжности» того или иного лица запрашивалась у других жандармских управлений Российской империи (по новому месту жительства лица) [10, л. 60] или у местного управления [11, л. 1].

С целью усиления мер по сохранению общественного порядка и спокойствия в России в конце XIX—начале XX вв. стали активно создавать охранные отделения (первое было создано в Санкт-Петербурге в 1866 г.). В связи с ростом революцион-

ного движения охранные отделения были созданы в таких городах, как Казань, Киев, Одесса, Саратов, Харьков и некоторых других.

В 1906 г. для объединения деятельности местных органов власти, осуществляющих политический розыск в стране, на территории Российской империи было создано 8 районных охранных отделений. Курская губерния входила в Юго-Восточное районное охранное отделение с центром управления в г. Харькове. Должность начальника районного охранного отделения могла совмещаться с должностью начальника местного охранного отделения или губернского жандармского управления. Данное нововведение, по замечанию современных исследователей, происходило в связи с активизацией оппозиционных движений в России [12, с. 28–55].

Одним из важнейших направлений деятельности охранных отделений стало осуществление наружного (филерского) наблюдения, ввиду чего в России значительно усовершенствовалось искусство слежки за подозрительными в политическом отношении лицами. Согласно п. 7 Положения о районных охранных отделениях (1906 г.), была учреждена центральная внутренняя агентура, «могущая освещать деятельность революционных сообществ вверенной его надзору области» [13]. В качестве основных методов работы при осуществлении наблюдения рекомендовалось использовать «живое общение» и личный обмен сведениями между сотрудниками о «поднадзорных». В случае огласки деятельности филеров их надлежало переводить на работу в другую местность. Данные розыска регистрировались в специальных документах: дневниках наружного наблюдения, агентурных сведений, схемах, фотографических архивах и др.

В дополнение в 1907 г. учреждена секретная Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения [14, с. 95–105]. В документе содержались указания об организации наружного наблюдения, а также порядке предоставления отчетности о проделанной работе агентами. В соответствии с положениями данной инструкции филерам (особым лицам) надлежало брать под наблюдение подозрительных лиц. Однако, перед тем как верить в обязанность филеру-новичку контроль за таким лицом, филера «испытывали» (ему назначали вести наблюдение за своим же «коллегой», а в случае успешного прохождения «испытания» уже поручали вести наблюдение за «сторонним» человеком).

Наблюдение необходимо было осуществлять строго секретно. Для того чтобы остаться незамеченными, нередко филеры переодевались. Было распространено переодевание в извозчика, что позволяло филеру стать более мобильным, расширить возможности наблюдения.

Хотя справедливости ради стоит отметить, что возить лиц, за которыми велось наружное наблюдение, разрешалось только в самых крайних случаях. Также для успешного наблюдения филерам необходимо было тщательно запоминать лица наблюдаемых, а не их одежду. Часто «поднадзорным» давали клички. Для осуществления наблюдения филеру предусматривалось хорошо изучить город, расположение основных предприятий, трактиров, расписание движения транспорта и т.п. Сведения о «поднадзорном» надлежало записывать ежедневно в вечернее время, которые в дальнейшем обобщались и соединялись в дневник наблюдения за тот или иной период.

В случае выезда поднадзорного лица из региона филеры сообщали о необходимости его сопровождения в пути другими чинами охранных отделений по принадлежности (об этом заранее уведомляли соответствующие ведомства). Если лицо переезжало, наблюдательные агенты «передавали» «наблюдаемого» для того, чтобы наблюдение не прерывалось и осуществлялось постоянно (уведомлять о «принятии» филерами наблюдаемого лица по новому месту пребывания надлежало в течение суток). В том случае, когда лицо переезжало в местность, где охранный отделений отсутствовало, данное лицо подчиняли надзору местных жандармов. По новому месту жительства также передавались подробные сведения об образе жизни «поднадзорного». Отчётность о деятельности охранных отделений оформлялась ежемесячно (до 5-го числа) и предоставлялась в вышестоящие инстанции.

С развитием революционной ситуации особое значение приобрело внутреннее наблюдение (внутренняя агентура) — секретное проникновение в радикально настроенные общественно-политические объединения (этим занимались секретные сотрудники), либо косвенное осведомление о деятельности таких организаций или отдельных их членов (сфера деятельности вспомогательных агентов) [15, с. 34–75]. Активно осуществлялась вербовка революционеров. По справедливому замечанию исследователя Ю. В. Овченко, осведомительная база административных учреждений за счёт ведения подобной агентурной работы была достаточно широкой. «Охранку» информировали все: от домовладельцев, сдающих квартиры, до жандармов и полиции. В охранных отделениях вербовались дворники, обслуживающий персонал ресторанов, гостиниц и др. «Разовые» осведомительные услуги выполняли вспомогательные агенты, именуемые «штучниками». В самой же революционной среде секретных агентов называли «провокаторами» [16, с. 28–45]. Так власть пыталась осуществлять контроль за «состояние умов» населения.

Заключение. Таким образом, к началу XX в. в России сложилась система наружного и внутреннего наблюдения, осуществляемого чинами жандармерии, полиции и охранных отделений, что позволяло получать обширные сведения о развитии общественно-политической ситуации. Однако предотвратить революционные события 1917 г. это не позволило, поскольку полученными агентурными сведениями органы государственной власти не смогли умело распорядиться, что привело к недостаточно эффективной реализации мероприятий по пресечению политической преступности, «расшатывающей» государственные устои, «уничтожающей» основы государственности. В Курской губернии в рассматриваемый период функции политического надзора выполняло губернское жандармское управление при содействии полиции, местной администрации. Информация о «подозрительных» в политическом отношении лицах, как правило, собиралась методом слежки. Преимущественно в регионе использовалось наружное наблюдение. Собранные сведения позволяли воспроизвести реальную картину деятельности оппозиционно настроенных объединений, отдельно взятых лиц.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания на 2023 год «Трансформация частного и пу-

бличного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851 – 20200033).

Библиографический список

1. Высочайше утверждённое положение о Корпусе Жандармов от 1 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55 т. Санкт-Петербург, 1837. Т.11. С. 343. Ст. 9355.
2. Высочайше утверждённое Положение о Корпусе Жандармов от 9 сентября 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55 т. Санкт-Петербург, 1868. Т. 42. С. 73–80. Ст. 44956.
3. Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. 255 с.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3231.
5. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 2.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 513.
7. ГАКО Ф. 1642. О.1. Д. 26.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3807.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 212.
10. ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3591.
12. Токарева С. Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 28–55.
13. Положение о районных охранных отделениях. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19061214polic.html (дата обращения: 30.01.2023).
14. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Санкт-Петербург; Москва, 2006. 382 с.
15. Меньшиков Л. П. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. В 3 ч. Ч. 3. Начало XX в. Азев, Серебрякова и прочие / ред., примеч. и послесл. Я. Б. Шумяцкого. Москва: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. 283 с.
16. Овченко Ю. В. Провокация на службе охранки // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45.

ЗАРУБИНА Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск.

AuthorID (РИНЦ): 1058731

ORCID: 0000-0003-2725-6906

ResearcherID: AAF-4165-2022

Адрес для переписки: kris1996z@mail.ru

Для цитирования

Зарубина К. А. Особенности наблюдения органов политической полиции за «политически неблагонадежными» лицами в 1867–1917 гг. (на примере Курской губернии) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8. № 2. С. 17–20. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-17-20.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023 г.

© К. А. Зарубина

FEATURES OF OBSERVATION OF POLITICAL POLICE BODIES FOR «POLITICALLY UNRELIABLE» PERSONS IN 1867–1917 (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)

The article analyzes the system of monitoring «politically unreliable» persons in Russia in 1867–1917. The relevance of the topic under consideration is due to the need to study regional aspects for a comprehensive study of this issue. To this end, some aspects of the activities of the political police bodies performing the functions of political observation (on the example of the Kursk province) have been studied, conclusions have been drawn about the effectiveness of the implementation of observation measures in countering the development of the revolutionary situation in the country.

Keywords: «politically unreliable» persons, gendarmerie, police, security department, detectives, Kursk Provincial gendarmerie department, Kursk province.

Acknowledgments

The work is carried out within the framework of the state task for 2023 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» (№ 0851 – 20200033).

References

1. Vysochayshe utverzhdennoye polozheniye o Korpuse Zhandarmov ot 1 iyulya 1837 g. [The most highly approved regulations on the Corps of Gendarmes of July 1, 1837] // Polnoyeso braniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. V 55 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two. In 55 vols.]. St. Petersburg, 1837. Vol. 11. P. 343. Article 9355. (In Russ.).
2. Vysochayshe utverzhdennoye Polozheniye o Korpuse Zhandarmov ot 9 sentyabrya 1867 g. [The most highly approved Regulations on the Corps of Gendarmes of September 9, 1867] // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye. V 55 t. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection Two. In 55 vols.]. St. Petersburg, 1868. Vol. 42. P. 73–80. Article 44956. (In Russ.).
3. Zavarzin P. P. Zhandarmy i revolyutsionery. Vospominaniya [Gendarmes and revolutionaries. Memories]. Parizh, 1930. 255 p. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO) [State Archive of the Kursk region (SAKR)]. File: 1/1/3231. (In Russ.).
5. GAKO [SAKR]. File: 1642/2/2. (In Russ.).
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. File: 1286/50/513. (In Russ.).
7. GAKO [SAKR]. File: 1642/1/26. (In Russ.).
8. GAKO [SAKR]. File: 1/1/3807. (In Russ.).
9. GAKO [SAKR]. File: 1642/1/212. (In Russ.).
10. GAKO [SAKR]. File: 795/1/25. (In Russ.).
11. GAKO [SAKR]. File: 1/1/3591. (In Russ.).
12. Tokareva S. N. Politseyskiye i podnadzornyye: rossiyskoye zakonodatel'stvo i praktika politseyskogo nadzora v Kurskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Police and supervised: Russian legislation and practice of police supervision in Kursk

province (late XIX – early XX centuries)] // Novyy istoricheskiy vestnik. *New Historical Bulletin*. 2013. No. 38. P. 28–55. (In Russ.).

13. Polozheniye o rayonny khokhrannykh otdeleniyakh [Regulations on district security offices]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19061214polic.html (accessed: 30.01.2023). (In Russ.).

14. Agenturnaya rabota politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii. Sbornikdokumentov. 1880 – 1917 [The secret service work of the political police of the Russian Empire. Collection of documents. 1880 – 1917]. St. Petersburg; Moscow, 2006. 382 p. (In Russ.).

15. Men'shchikov L. P. Okhrana i revolyutsiya: k istorii taynykh politicheskikh organizatsiy, sushchestvovavshikh vo vremena samodержaviya. V 3 ch. Ch. 3. Nachalo XX v. Azef, Serebryakova i prochiye [Protection and Revolution: on the History of secret political organizations that existed during the autocracy. In 3 vols. Part 3. The beginning of the XX century. Azef, Serebryakova and others] /ed., notes and afterword Ja. B. Shumjackogo. Moscow, 1932. 283 p. (In Russ.).

16. Ovchenko Yu. V. Provokatsiya na sluzhbe okhranki [Provocation in the service of the okhrana] // Novyy istoricheskiy vestnik. *New Historical Bulletin*. No. 1 (9). 2003. P. 28–45. (In Russ.).

ZARUBINA Kristina Alexandrovna, Lecturer of Theory and History of State and Law Department, South-West State University, Kursk.

AuthorID (RSCI): 1058731

ORCID: 0000 – 0003 – 2725 – 6906

ResearcherID: AAF-4165-2022

Correspondence address: kris1996z@mail.ru

For citations

Zarubina K. A. Features of observation of political police bodies for «politically unreliable» persons in 1867 – 1917 (on the example of Kursk province) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 17–20. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-17-20.

Received February 01, 2023.

© K. A. Zarubina